

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

А. Г. Гачева

Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, руководитель Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук, главный библиотекарь, научный сотрудник Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы. 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования, рассматривающего особенности подхода к проблеме голода в философии русского космизма. Решение этой проблемы деятели течения полагали на путях исследования природных процессов и управления ими, подчеркивая, что дело регуляции требует полноты знания и всечеловеческой солидарности. Выделены взгляды Н. Ф. Федорова, который ставил вопрос о преодолении голода в христианский контекст и рассматривал регуляцию природы как исполнение заповеди об «обладании землей». Представлена динамика восприятия голодной проблемы в первом сборнике «Вселенское дело» (1914) и в проекте второго сборника, составленном А. К. Горским и Н. А. Сетницким в 1920 г. в период разрухи Гражданской войны. Проанализированы материалы однодневной газеты «На помощь!», выпущенной в связи с голодом 1921–1922 гг.

Ключевые слова: философия космизма, проблема голода, регуляция природы, наследие Н. Ф. Федорова, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, «Вселенское дело»

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-25-46

В философии русского космизма, начиная с Н. Ф. Федорова, ее «синкретического родоначальника» (Семенова, 2020), значимое место занимал вопрос о хозяйстве. Представители религиозно-философской ветви течения — В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, В. Н. Муравьев и деятели естественнонаучного его крыла — Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский — рассматривали хозяйственную деятельность человечества как часть его мироустроительной активности, заданной бытийно, определяемой его местом и ролью в природе. «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою» (Федоров, 1995b: 239), — писал Н. Ф. Федоров, подчеркивая преобразовательный и организующий характер действия человека в мире, а В. И. Вернадский полагал человеческий разум, «великую геологическую, быть может, космическую, силу» (Русский космизм, 1993: 288), ключевым фактором развития биосферы Зем-

ли, способствующим ее переходу в новое качество, формированию ноосферы, неотъемлемой частью которой является хозяйственный труд, неразрывно связанный с развитием научного знания, орудий и технологий, содействующий планетизации человечества, идущий рука об руку с развитием этики, совершенствованием общественных отношений и межчеловеческих связей. Своей хозяйственной деятельностью в природе человек способствует космизации мира, увеличению его «стройности» (Русский космизм, 1993: 122), борется с энтропией. По мысли христианских космистов, перекидывающих мост между научным и религиозным сознанием, человек является соратником Бога в деле преобразования мира, орудием «Логоса» как «начала эктропии» (Флоренский, 1988: 114); он призван исполнить заповедь «обладания землей», данную ему при сотворении. С. Н. Булгаков в программной книге «Философия хозяйства» (1912) выводит формулу «Мир как хозяйство» (Булгаков, 1993: 47), возводя экономику к «ойкономии», представляя ее частью Божественного домостроительства, «трудового восстановления мира» в его «истинное» состояние (Булгаков, 1993: 170), в котором соучаствует человек.

Опираясь на проективный подход, деятели космизма стремились выстроить совершеннолетнюю и ответственную модель хозяйствования. Главным ее принципом Н. Ф. Федоров и космисты 1920–1930-х гг. — А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, В. Н. Муравьев — полагали принцип регуляции, противопоставляя его наличному, паразитарно-хищническому мироотношению, когда человек пользуется естественными богатствами, не умея и не желая их возобновлять, гонясь за прибылью, истощает и засоряет природу, провоцируя то, что современные ученые назовут антропогенной нагрузкой на биосферу. Подчеркивая кризисность и самоубийственность «эксплуатирующего, но не восстанавливающего» вектора цивилизации, при котором она «не может иметь иного результата, кроме ускорения конца» (Федоров, 1995а: 197), философы-космисты призывали перейти к глобальному исследованию, а затем регуляции природных процессов, результатом которой станет преодоление смертного статуса бытия, закона обособленности и борьбы существ, всецелое обновление мира, восстановление его «в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Федоров, 1995а: 401).

Ключевым вопросом философии хозяйства, акцентированным в русском космизме, был вопрос о борьбе с голодом. Выдвижение этого вопроса на первый план в эпоху жизни и действия родоначальника течения Н. Ф. Федорова и его продолжателей, развернувших свою деятельность в первой трети XX в., было оправдано исторически и в то же время метафизически обосновано. Соединение истории и метафизики, метафизики и экономики позволило задать проблеме борьбы с голодом широкий религиозно-философский масштаб и одновременно придать ей конкретно-практический смысл, вывести в область действия.

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

«От детских лет <...> сохранились у меня три воспоминания. Видел я черный-пречерный хлеб, которым, говорили при мне, питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал же я в детстве войны объяснение на мой вопрос об ней, который меня привел в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга... Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, и чужие, а что сами родные — не родные, а чужие» (Федоров, 1999: 161). Автобиографическая запись, обнаруженная после смерти Н. Ф. Федорова в его бумагах, — ключ к рождению его проекта восстановления всечеловеческого родства, своего рода ген всего корпуса малых и больших сочинений, заметок и писем Московского Сократа, посмертно собранных учениками мыслителя В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном в трех томах «Философии общего дела», два из которых вышли в свет в 1906–1913 гг., а материалы к третьему тому уже после смерти издателей печатались на протяжении XX века, войдя наконец в четырехтомное издание сочинений Федорова 1995–2000 гг. Тема голода выдвинута в записи на первый план, является исходной точкой представления о «небратском, неродственном, т. е. немирном, состоянии мира» (Федоров, 1995а: 35), явившегося будущему философу в раннем детстве, в ту пору жизни, когда ребенок не знает о существовании смерти, не делит на своих и чужих, открыт и доверчив людям и миру¹, выражая собой «критерий нравственности» (Семенова, 2019: 44). При этом тема голода, радикального бедствия человечества, грозящего и оборачивающегося смертью, завязана в автобиографическом тексте с двумя другими кардинальными для философа темами: войны как крайней степени небратства и розни, и неродственности, проникающей в святая святых человека — в семейство, которое, по убеждению как самого Федорова, так и его собрата в культуре и духе Ф. М. Достоевского, является «практическим началом любви» (Достоевский, 1976b: 249), завязью будущего организма всечеловеческого и всемирного братства. Голод, война и небратство — маркеры несовершенного, раздробленного состояния мира, они взаимозависимы и взаимно усугубляют друг друга. И преодолевать их, по Федорову, нужно совместно, воплощая в межчеловеческих отношениях и внося в саму природу принцип Троицы, распространяя данный в Ней образ неслиянно-нераздельного, держащегося любовью единства на все бытие.

Черный-пречерный хлеб философ видел в 1833–1834 гг., когда жил в Тамбовской губернии в селе Белоречье в имении своего дяди

1. Вспомним слова Достоевского: «Дети, пока дети, до семи лет например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой» (Достоевский, 1976а: 217).

К. И. Гагарина². Тогда в результате неурожая 1833 г. голод охватил целый ряд российских губерний — от Витебской и Смоленской до Тамбовской, Орловской, Рязанской, Черниговской, Херсонской и Полтавской, Астраханской и Харьковской и др. Когда началась педагогическая деятельность философа, связанная с его работой в уездных городах Средней России — Липецке, Богородске, Богородицке, Угличе, Одоёво, Боровске, Подольске (1854–1868), — ему периодически приходилось наблюдать бедствия населения, страдавшего от неурожая, вызванных засухами, заморозками, многодождем, заливавшим посевы. Уже в московский период жизни Федоров был современником и голода 1873–1874 гг., охватившего Поволжье и Оренбург, и неурожая, и голода 1883–1884 гг. в Курской, Казанской, Харьковской, Вятской губерниях (Щепкин, 1886), и страшного голода 1891–1892 гг. (Пьянков, Михалев, 2015), всколыхнувшего всю Россию, вызвавшего широкое общественное движение помощи голодающим, в котором участвовали и Л. Н. Толстой (Аксенова, 2018; Рогожина, 2021), и В. И. Вернадский (Аксенов, 2014: 117–120), и В. Г. Короленко. В заметке «Вопрос о голоде как вопрос священный, религиозный», одном из многочисленных текстов философа общего дела, прямо или косвенно касающихся голодной проблемы³, Федоров предложил создать в России Музей голода, собрав в нем «образчики всех суррогатов хлеба, которыми питается народ в этот тяжелый год» (Федоров, 1997: 313), подчеркивая, что этот музей должен стать нравственной инстанцией, *совестью* современников и потомков пострадавших и погибших от голода и в то же время — центром исследования причин голода и путей к их устранению.

Человек отзывчивого сердца, всегда помогавший ближним, делившийся жалованьем с нуждающимися, однажды продавший свой вицмундир, чтобы помочь семье ученика, потерявшей кормильца (Кожевников, 2004: 65–66; Семенова, 2019: 49–50), сам неоднократно жертвовавший на голодающих (Федоров, 1999: 246–247), Федоров был убежден, что частная благотворительность, даже обретающая масштабный характер, как в голодную кампанию 1891–1892 гг., не способна решить проблему голода, что для решения этой проблемы необходимо доискиваться коренных причин голода, лежащих, по мнению мыслителя, не только и не столько в недостатках социально-экономического развития, отсталости крестьянских хозяйств, изъянах законодательства, сколько в возможности повлиять на ход естественных процессов, чтобы за-

2. Новые материалы к изучению раннего периода жизни Н. Ф. Федорова представлены в исследовании А. Н. Акиншина: Акиншин, 2022.
3. Согласно частотному словарю языка Н. Ф. Федорова, слово «голод» встречается в его текстах 428 раз, а производные от него: «голодать» — 34 раза, «голодный» — 45 раз, «голодовка» (в смысле — «голодный год») — 8 раз (Петров, 2020).

суха не губила посевы, саранча их не уничтожала, наводнения и иссушения почвы не вредили ее плодородию, чтобы человеческий организм не был так фатально зависим от питания и энергии, как теперь.

Наличный порядок природы, в котором всякое последующее вытесняет предыдущее, жизнь кончается смертью, а обеспечение существования находится под дамокловым мечом внезапных климатических, температурных и прочих естественных катастроф, — вот, по мысли Федорова, подлинная причина голодных трагедий, периодически вспыхивающих то в одной, то в другой точке земного шара. Отсюда стремление мыслителя подчинить «вопрос о голоде», равно как и «вопрос о богатстве и бедности», с которым устойчиво связывала его социально-экономическая мысль XIX в., демонстрируя взаимообусловленность голода и нищеты, всеобъемлющему «вопросу о смерти и жизни» (Федоров, 1995а: 390–391), выводящему проблему голода в онтологический план. Решение голодной проблемы мыслитель вводит в общее дело регуляции природы, управления земными и космическими явлениями, конечной целью которого является всеобщее воскрешение, преобразование Вселенной, творческое действие в ней всех воскрешенных поколений.

Улучшение земледелия, совершенствование управления сельским хозяйством, техническая оснащенность деревни, даже химический синтез пищи, предложенный выдающимся французским химиком Пьером Бертло, — все это для Федорова, паллиативные меры, позволяющие смягчить последствия природных бедствий, провоцирующих неурожай и ведущих к голодной смерти, но не справиться с этими бедствиями. Для того чтобы человеческий род был прочно обеспечен от голода, необходима полнота знания и опирающегося на знание управления как процессами, протекающими во внешней природе, так и психофизиологическими процессами: человек должен стать «зодчим храма тела своего», превращающим «питание» в «созидание», творческое строительство своего организма (Федоров, 1997: 315). «Голод и смерть, — утверждает мыслитель, — происходят от одних и тех же причин, а потому вопрос о воскрешении есть вопрос и об освобождении от голода. Человек, чтобы быть обеспеченным от голода, должен настолько познать себя и мир, чтобы иметь возможность производить себя из самых основных начал, на которые разлагается всякое человеческое существо» (Федоров, 1995а: 250).

Как указывает С. Г. Семенова, Федоров, говоря о новом типе питания, представляющем собой «сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» (Федоров, 1995а: 281), фактически предвосхищает идею автотрофности В. И. Вернадского, одного из ведущих представителей естествонаучного космизма. Автотрофность человечества в контексте федоровских идей — это «творчески-трудовое обретение такого прин-

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

ципально нового способа обмена веществ с окружающей средой, который в пределе не будет иметь конца» (Семенова, 2019: 220).

Полнота управления органическими процессами, обеспечивающая прочное избавление от голода и смерти, по Федорову, может быть достигнута только тогда, когда человек станет не только «самосозидающим», но и «воссозидающим», не просто обновляющим свой организм, но и восстанавливающим умерших, причем в преобразованном, бессмертном качестве. Всеобщее воскрешение как высшее выражение регуляции — необходимое условие победы над голодом, накрепко сцепленным со смертью: «только чрез воскрешение умерших живущие могут воссоздать и себя в жизнь вечную» (Федоров, 1995а: 250).

Регуляция, обеспечивающая всецелое преодоление голода, болезни и смерти, с точки зрения Федорова, утверждает представление о человеке как активном, творческом, самосозидающем существе, призванном все «даровое» обратить в «трудовое» (Федоров, 1995а: 255). В этом, по Федорову, не только нет «узурпации», но проявляется смысл явления человека в природе как существа, призванного, опираясь на творящую силу жизни, внести в нее свет сознания и нравственный закон. В требовании заменить даровое, рожденное трудовым, воскрешенным Федоров видит и Божий завет человеку, которого Господь «создает через него самого» (Федоров, 1995b: 137), «воспитывает <...> собственным его опытом», его творческим действием «воссоздает мир, воскрешает все погибшее» (Федоров, 1995а: 255).

Излагая учение всеобщего дела в ответе Ф. М. Достоевскому, который в процессе многолетней работы вырос в масштабное сочинение «Вопрос о братстве, или родстве...» (1878–1893), Федоров выстраивал его четвертую часть — «В чем наша задача» — как масштабный проект исследования мира и регуляции, направленный на преодоление смертного статуса жизни, уязвимости и конечности индивидуального существования. Ключевой частью проекта он считал разрешение «продовольственного вопроса», т. е. вопроса о голоде, и неразрывно с ним связанного вопроса «санитарного» — вопроса об эпидемиях, подтачивающих силы жизни не меньше, чем голод. Соединение двух этих вопросов у философа общего дела, мыслившего не абстрактно и отвлеченно, а конкретно-практически, имело реальное основание: голод в России, как и в других точках земного шара, привычно был связан с эпидемиями (Кондрашин, Корнилов, 1921; Суворин, 2015). Страшный голод 1833–1834 гг., поразивший воображение Федорова-ребенка, усугублялся эпидемией холеры. То же было и во время голода 1891–1892 гг., когда холера присоединилась на второй год народного бедствия. Со своей стороны, Федоров выводил объективную связь голода и эпидемий из фатальной зависимости человеческого существования «от слепой силы природы» (Федоров, 1995а: 250), подчеркивая, что как проблему голода нельзя решить путем изменения социально-экономического строя и даже самой широкой благотвори-

тельностью, так и вопрос об эпидемиях, борьба с которыми требует ограничительных мер, не может быть решен только этими мерами. Последовательная борьба с эпидемиями путем изоляции и дезинфекции, в том числе «истребление огнем всех гниющих веществ» (Федоров, 1995а: 250), — угрожает оскудением почвы, лишаящейся естественного удобрения, а значит — новыми голодными бедствиями. Разорвать этот замкнутый круг может лишь регуляция, ареал действия которой не ограничен пределами земной планеты, но «выводит нас за пределы земного мира» (Федоров, 1995а: 250), и задачи которой не исчерпываются только живущими, расширяясь до всех умерших. «Таким образом, вопрос санитарный, как и продовольственный, приводит нас ко всеобщему воскрешению» (Федоров, 1995а: 250).

Называя вопрос о голоде «вопросом священным, религиозным», Федоров перебрасывал смысловой мост к центральному христианскому таинству — Евхаристии, литургическому пресуществлению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Дело регуляции, при котором происходит претворение распавшегося праха умерших в живые плоть и кровь, философ называл Внехрамовой литургией, подчеркивая, что она совершается на всем пространстве земли как метафизическом центре Вселенной, ибо именно на земле Господь сотворил человека как своего сына и сорботника, именно здесь насадил Эдемский сад, заповедав людям возделывать и хранить его, и именно на маленькую планету, «ничтожную песчинку» в составе звездных миров, приходит Христос с проповедью Царствия Божия, преображенного строя мира, призывая человека быть его соучастником.

Встраивая вопрос о борьбе с голодом в активно-христианский контекст, Федоров предлагал толковать проективно саму Молитву Господню с ее центральным прошением «Да приидет Царствие Твое», подчеркивая, что через молитвенное обращение «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» в нее входит и «прошение о регуляции, т. е. об исполнении заповеди, данной при творении» (Федоров, 1995b: 52). Здесь же мыслитель отмечал связь прошения о регуляции с прошением «о всеобщем соединении»: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» (Федоров, 1995b: 52), тем самым подчеркивая единство санитарно-продовольственного и социального вопросов, обнимающих всю сферу человеческой жизни, задающих ей ценностный вектор.

Стремясь оправдать идею регуляции перед лицом Церкви, Федоров указывал на сугубое почитание на Руси Илии-пророка, через молитву и действие которого Господь низвел дождь на иссохшую землю Самарии (3 кн. Царств. 18:30–46), на то, что у христиан-земледельцев «и архангелы Михаил и Гавриил, и св. Георгий стали громовниками», «и даже Николаю Чудотворцу усвоено название “Мокрого”» (Федоров, 1995b: 248). Комментируя негативную реакцию архиепископа Харьковского Амвросия на сообщения российской прессы об опытах искусственного вызывания дождя, прошед-

ших в США и увенчавшихся положительным результатом (владыка увидел в них гордость и дерзость против Бога, противопоставив измышлениям науки и техники молитву православного народа о дожде), он указывал на то, что противопоставление веры и науки, молитвы и дела губительно для самой веры, которая есть не только «чаяние», но и «осуществление чаемого» (Евр. 11, 1). Это противопоставление оставляет веру без орудия действия, а науку без религиозного целеполагания, в то время как соединение «веры, дела и молитвы» (Федоров, 1995b: 41) превращает человеческую активность в природе в христианское служение, сотрудничество Творцу, выводя ее из области голой прагматики, служения интересам торгово-промышленной цивилизации, требованиям конкуренции и борьбы.

Вопрос о повороте от истощающего землепользования, провоцирующего голод и смерть, к восстанавливающему земледелию, включенному во внехрамовую литургию, Федоров тесно связывал с вопросом о преодолении разрыва между городом и селом, между ученым, интеллигентским сословием, ограничившим себя теоретическим знанием, и миром неученых, крестьянством, поставленным перед ежедневной, ежечастной необходимостью вырастить и сохранить урожай, призывая и тех, и других объединиться в деле регуляции, этом поистине «небесном опыте» (Федоров, 1997: 130), возводящем мысль и действие человека на новую, божескую ступень. Он выстраивал модель новой школы, преодолевающей разрыв между духовным и светским образованием, формирующей у учащегося цельную картину мира и построенной на соединении преподавания с исследованием природы, на широком участии педагогов и учеников в наблюдениях над небесными и земными явлениями, которые приготавливают к делу регуляции.

Федоров активно следил за обсуждением вопроса о неурожаях и голоде в русской печати, тем более что в работах российских ученых, анализировавших причины народного бедствия и намечавших пути к их устранению, звучали идеи, созвучные его установкам. Так, в 1892 г. вышла в свет книга почвоведом В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь», в которой указывалось на прогрессирующее опустынивание и обезлесение черноземной России, разрушительное влияние оврагов, идущее рука об руку с истощающим землепользованием. В. В. Докучаев указывал на «надорванное, надломленное, ненормальное состояние» «южного степного земледелия», которое многократно усиливается вторжением финансовых интересов, желанием «выжать» как можно больше из измученной, изнуренной земли, и намечал систему мер, которые «одровили бы наш земледельческий организм», ликвидировали «то зло, которое уже сделано частью стихийными силами, а частью и самим человеком» (Докучаев, 1892: 107). Среди этих мер Докучаев предлагал комплексное «регулирование рек», «регулирование оврагов и балок», «регулирование водного хозяйства в открытых сте-

пах, на водораздельных пространствах», определение оптимальных норм соотношения «пашен, лугов, лесов и вод» и разработку наиболее благоприятных «приемов обработки почвы», направленных на эффективное использование влаги и культивацию растений (Докучаев, 1892: 107–111).

В том же году появилась и книга А. С. Ермолова, ученого-агронома, в то время — товарища министра финансов и управляющего Министерством государственных имуществ, «Неурожай и народное бедствие», в которой главными причинами недорода и голода 1891 г. объявлялись неблагоприятные метеорологические условия, приведшие к иссушению земель Черноземья, обмелению естественных водоемов, понижению уровня грунтовых вод и т. д. А. С. Ермолов говорил о необходимости масштабного «изучения естественных условий русского земледелия», разработки комплексных мер, направленных на предотвращение последствий климатических катастроф и восстановление нарушенного равновесия экосистемы. Он настаивал на неотложном создании системы метеорологических и агрономических станций и опытных полей с широкой программой «испытаний и наблюдений», а также координирующего их учреждения — «Центрального Агрономического Комитета», состоящего из авторитетных ученых, теоретиков и испытателей (Ермолов, 1892: 65). Ермолов подчеркивал, что для устранения самой возможности повторения в будущем неурожаев и голода, необходимо всестороннее, систематическое изучение природы, «которая ныне так страшно нас победила и в борьбе с которой мы бессильны» (Ермолов, 1892: 35), необходимо опираться на «опыт, соединенный со знанием» (Ермолов, 1892: 69), объединяя усилия правительства, общества, сельских хозяев, крестьянства. Ученый предупреждал, что повторение неурожаев и голода в будущем «даже более чем вероятно до тех пор, пока деятельность человека будет направлена не к улучшению естественных условий нашей страны, а только к их ухудшению, как в настоящее время, путем самой неразумной эксплуатации и расхищения природных богатств русской земли» (Ермолов, 1892: 78).

Включаясь в дискуссии о преодолении голода, Федоров стремился расширить их смысловое поле, их этический и аксиологический фундамент, точнее и глубже определить конечную цель. Борьба с голодом для него — это не только борьба за хлеб, повышение производительности земли, улучшение приемов земледелия, а изменение самого типа хозяйствования человека в природе, приближение его к образу «райского», благого управления миром, исполнение заповеди «обладания землей».

Утверждая проективный подход к голодной проблеме, Федоров подчеркивал необходимость перехода от метеорологии, изучающей состояние земной атмосферы и предсказывающей ее изменения, к метеороургии, управляющей атмосферическими процессами, способной в засуху вызывать дождь или, напротив, предотвратить

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

выпадение лишних осадков, не менее губительных для урожая, чем наличие засухи. Первым приступом к этому делу виделись философу опыты искусственного вызывания дождя, к проведению которых он настойчиво призывал и в 1880-е гг., и особенно в эпоху страшного голода 1891–1892 гг., апеллируя и к наследию общественно-го деятеля и ученого В. Н. Каразина, предложившего еще в 1817–1818 гг. первый проект метеорологической регуляции (Каразин, 1910), и к работам французского физика Д. Ф. Араго, собравшего историю использования пушечных выстрелов в борьбе с грозами (Араго, 1859), и к идеям Э. А. Ляцкого, высказавшего надежду на то, что в будущем армии будут сражаться не с себе подобными, а с грозовыми тучами (Ляцкий, 1885: 88), и к корреспонденции В. Н. Мак-Гахан в газете «Русские ведомости» от 24 августа 1891 г., в которой рассказывалось об опытах искусственного вызывания дождя в Техасе, когда для воздействия на тучи активно использовались артиллерийские снаряды. Факт использования военных орудий, предназначенных для уничтожения войск противника, в деле спасения от голода выступал в сочинениях мыслителя примером обращения зла в добро, возможности перенаправить новейшие средства и достижения науки и техники на дело спасения и сохранения жизни, В 1898–1899 гг., отталкиваясь от инициативы российского правительства, предложившего созвать конференцию о мире, он в целой серии статей развивает проект обращения армии в естествоиспытательную силу, включения ее в исследование природных явлений и их регуляцию, открывающий путь к тому, чтобы сделать «войско христолюбивым в истинном смысле этого слова», «дать истинно братский исход накопившимся громадным силам» (Федоров, 1995b: 273).

Стремясь донести свои идеи до известных деятелей России, дабы они выступили с ними публично, философ общего дела осенью 1891 г. подвиг филолога И. М. Ивакина, учителя детей Л. Н. Толстого, обратиться к писателю с развернутым письмом, в котором был представлен проект борьбы с неурожаями путем атмосферической регуляции, подчеркивалось, что от словесных протестов против войны «опасность войны не уменьшается» и нужно не воевать, а употребить оружие «на борьбу с силою, производящую метеорические погромы» (Федоров, 1999: 655), несущую голод, болезни и смерть. Отклик Л. Н. Толстого был доброжелателен: «О воздействии на движение туч, на то, чтобы дождь не падал назад в море, а туда, где он нужен, я ничего не знаю и не читал, но думаю, что это не невозможно и что всё, что будет делаться в этом направлении, будет доброе. Это именно одно из приложений мирозозерцания Н[иколая] Ф[едоровича], которому я всегда сочувствовал и сочувствую, т. е. дело, стоящее труда, и дело общее всего человечества» (Толстой, 1953: 85).

В том, что только замена войны регуляцией примирит и «обратотворит сословия и народы, чего нельзя достигнуть никакими

революциями» (Федоров, 1999: 247), настойчиво убеждал Федоров и В. С. Соловьева, активно выступавшего в 1891 г. по вопросам организации помощи голодающим, настаивавшего на содействии образованного класса народу в разработке основ рационального земледользования. Федоров призывал своего младшего современника составить призыв к общему делу, высказать от себя «план объединения в деле спасения от голода» (Федоров, 1999: 247), приурочив этот призыв к его выступлению в Московском психологическом обществе с рефератом «О причинах упадка средневекового мирозерцания».

Соловьев, ссылаясь на «обстоятельства публичного свойства» (Федоров, 1999: 244), не сделал этого. Но спустя несколько месяцев, в 1892 г. поместил в журнале «Русская мысль» статью «Враг с Востока», подняв в ней вопрос о прогрессирующем истощении и иссушении земли: «На нас надвигается Средняя Азия стихийною силою своей пустыни, дышит на нас иссушающими восточными ветрами, которые, не встречая никакого препятствия в вырубленных лесах, доносят вихри песку до самого Киева» (Соловьев, 1989: 432). Апеллируя к книгам А. С. Ермолова и В. В. Докучаева, он подчеркивал, что неурожай и голод 1891 г. суть объективные следствия естественных природных бедствий и катастроф, необратимых изменений почв, рельефа, климата, усугубляющихся хищнической хозяйственной деятельностью человека. В финале статьи философ заявлял «о грозной *общей* беде», в противостоянии которой должны примириться враждующие партии, оставив политические и религиозные распри и соединившись против «действительного и страшного врага» — «надвигающейся на нас с Востока пустыни» (Соловьев, 1989: 444).

В призыве к общественному примирению Соловьев прямо следовал Федорову. Философ общего дела резко противился превращению вопроса о голоде в орудие политической борьбы, подчеркивая, что политизация провоцирует небратство, вражду и войну, причинно-следственную связь которых он почувствовал еще в раннем детстве. Об этом он говорил «ишутинцу» Н. П. Петерсону, пришедшему к нему в Богородске 15 апреля 1864 г. с проповедью революционных идей и ставшему после разговора с мыслителем его преданным учеником. Спустя почти 30 лет философ выступил с резкой критикой антиправительственной позиции Л. Н. Толстого, которую он усмотрел в статье «О голоде», напечатанной 14 января 1892 г. в лондонской газете Daily Telegraph, подчеркивая, что статья провоцирует противостояние между обществом и государством в момент страшной народной беды, когда необходимо единение и согласие в поиске средств ее преодоления.

В проект регуляции, призванной избавить живущих от дамочлова меча голода, Федоров встраивал целый ряд государственных инициатив. Видевший в самодержавии силу воспитательную и организующую, призванную вести народ к нравственному совер-

шеннолетию, он считал неотложной задачей введение всеобщего обязательного образования, необходимость которого широко дискутировалась в пореформенной России, понимая под ним не базовый набор знаний и навыков, а включение каждого жителя страны, от крестьянина до дворянина, в дело познания мира по принципу «все должны быть познающими и все должно быть предметом знания, но так, чтобы знание не отделялось от дела» (Федоров, 1995а: 77). Приветствуя введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности, мыслитель подчеркивал ее роль не только в воспитании умственных и нравственных качеств призывников в противовес «нравственной разнузданности и бесхарактерности» (Федоров, 1999: 380), но в вовлечении их в дело познания мира и управления им, открывающее путь от войны к миру, от борьбы с себе подобными — к регуляции «той слепой силы, которая носит в себе голод, язву и смерть» (Федоров, 1995а: 76). Откликаясь на широко обсуждавшуюся в печати в связи с голодом 1891–1892 гг. инициативу введения подоходного налога, к уплате которого были бы привлечены представители всех сословий, философ радикально переосмыслил его смысл, подчеркивая, что введение налога может дать толчок «переходу нашего общества от юридического к нравственному состоянию, ибо можно будет обратиться к правительству с просьбой, чтобы к требованию обязательного налога присоединить предложение добровольного взноса и тем соединить в одних руках и налог, и его пожертвование, а не раздроблять последнее между частными обществами, которые не только менее заслуживают доверия, но могут вести и не к единению...» (Федоров, 1999: 243).

Борьба с голодом и история «Вселенского дела»

После выхода в свет в 1906–1913 гг. I и II томов «Философии общего дела» идеи Федорова оказались в поле зрения деятелей богоискательства, писателей и мыслителей Серебряного века, и не только ученых, но и неученых. Среди откликнувшихся были крестьяне — представители того самого сословия, на мирозерцании и действии которого Федоров воздвигал фундамент учения о воскрешении. Один из них — Василий Николаевич Хомутский, крестьянин села Пехлец Рязанской губернии, бывший толстовец, который после знакомства с учением Федорова стал его горячим последователем. В сочинении «Призыв жизни», написанном в 1913 году, языком неученых, людей земледельческого сословия, он перелагал проект мыслителя, представляя его как важнейший и значимый для людей, работающих на «кормилице-землице», на которой «очень часто стали бывать» «неурожаи и голодовки» (Pro et contra, 2008: 215).

Для Хомутского, крестьянина, живущего на земле, несущего все тяготы добывания хлеба насущного, федоровский призыв к борьбе

с голодом через регуляцию стоял в центре учения всеобщего дела: «Я живу, работаю, а мою работу ломает слепая сила природы, морозом побила табачную рассаду и огурцы» (Pro et contra, 2008: 237); «даровое мы все взяли, что можно было брать, надо сейчас всего для жизни себя заявлять, на каждый год и день. Лесов нет, хату сделать стало не из чего, и кирпича тоже не стало, лесу нет, обжигать нечем и топить печи нечем, дров нет, соломы нет, не стала родиться на даровщинку. Смерть со всех сторон к нам идет, так и напирает на нас, а мы все забавляемся своими делишками, даже боимся подумать, дать отпор» (Pro et contra, 2008: 214), — писал он ученику Федорова Н. П. Петерсону. Глубоко проникнув сердцем и умом в суть федоровского проекта, Хомутский призывал людей веры и знания, горожан и крестьян объединиться в труде на «нашей кормилице-землице», которая есть «общее поле всего человечества» (Pro et contra, 2008: 214), подчеркивая, что если не объединиться в общем деле регуляции, начиная с борьбы против засух, с организации плотин, искусственных резервуаров воды, то настает час, когда «ни в одной стране не будет хлеба, не родится, тогда и купить и продать нечего будет <...> и тогда все человечество очутится в равном достоинстве в всечеловеческом голоде» (Pro et contra, 2008: 215).

Перелагая федоровский проект «всесловной земледельческой общины» (Федоров, 1995а: 254), изложенный в четвертой части «Вопроса о братстве, или родстве...», В. Н. Хомутский соединял «продовольственный» и «санитарный» вопросы, представляя их двумя створками общего дела спасения и восстановления жизни. Крестьянин-федоровец сетовал на слабость медицинской помощи в селах и деревнях: «один доктор на всю волость и поезжай больной за десять верст, а должен доктор у больного быть, а не больной у доктора» (Pro et contra, 2008: 216), противопоставляя медицине наживы медицину спасения: «Санитарные дела должны идти рука об руку с верой и церковью, где церковь — и тут же должны быть и находиться школа медицины, и доктора, в школу доступ должен быть таков, как в церковь, только тогда станет правильно действовать медицина и вступит в борьбу со всеми болезнями и старостью и смертью» (Pro et contra, 2008: 216). Проявляя крестьянскую мудрость и практическую сметку, В. Н. Хомутский подчеркивал, что сама смерть, главный враг человека, создает условия... для будущего воскрешения: «Хотя смерть и разрушает организм человека, но не совсем, а только очищает его, подсобляет науке в чистом виде его собрать и восстановить снова, мумии сухие, кости чистые и сухие лежат тысячелетия в целости, значит, есть исход этому, когда-нибудь восстановить опять человека или воскресить» (Pro et contra, 2008: 216).

Для крестьянина-земледельца вопрос о хлебе, голоде и регуляции составлял сердцевину вопроса об общем деле. Иные акценты были сделаны авторами первого федоровского сборника под говорящим названием «Вселенское дело», который начали соби-

рать в 1913 г. молодой выпускник Московской духовной семинарии, философ, литературный критик, поэт Александр Константинович Горский (1886–1943) и бывший священник, лишенный сана за политические убеждения, один из лидеров движения голгофских христиан, поэт, публицист Иона Пантелеймонович Брихничев (1879–1968). В центр внимания они поставили тему «Федоров и современность», намечая широкий разворот исследований, касающихся той главной цели, в осуществлении которой, по мысли Федорова, должны объединиться все люди земли во всей совокупности профессий, творческих служений и дарований. В проспекте издания, выпущенном в Москве, в том же для Федорова поминальном году, значилось 23 направления, предложенных издателями к разработке: от проявления идеи воскрешения в философии, литературе, богословии (у отцов древней Церкви), в мировых религиях, музыке, живописи, архитектуре, от трактовки «истории как дела воскрешения» и «археологии как попытки к воскрешению» до презентации в оптике воскресительной идеи естествознания, медицины, химии, биологии, осмысления «современной техники и открытий как симптомов близкой победы над пространством и временем» (*Pro et contra*, 2008: 88–89). Однако в развернутом перечне направлений и тем, среди которых были и характерные для эпохи Серебряного века, легко увлекавшейся мистическими, оккультными и теософическими течениями, предложения рассмотреть «идею воскрешения и преобразования всего сущего в теософии, оккультизме, спиритизме и ментализме» (*Pro et contra*, 2008: 89), не нашлось места вопросу о голоде, крестьянской и агрономической теме. Сам Федоров назвал бы такой проспект издания произведением умствующей интеллигенции, горожан, оторванных от нужд народа, живущих продуктами села и не чувствующих своей ответственности перед ним.

Впрочем, в оправдание издателей «Всеенского дела» нужно сказать, что, не вынося тему борьбы с голодом на первый план в сборнике, призванном актуализировать идеи Федорова здесь и сейчас, они исходили из относительно благополучной экономической ситуации, сложившейся в России в 1913 г., в год 300-летия воцарения Романовых (недаром именно этот год станет эталоном для сравнения экономических, демографических и других показателей развития России на протяжении XX века). Острой, требующей неотложной реакции им представлялась другая проблема — социально-классовой розни, протivостояния политических партий, революционного кризиса 1905–1907 гг., множащихся и усиливающихся год от года идейных и общественных разделений, неблагополучия в международных делах, конфликтов между странами и народами, грозящих обернуться всемирной войной. И потому в программном предисловии ко «Всеенскому делу», напечатанном сначала в проспекте, а затем в самом сборнике, нет ни одного прямого слова о голоде и преодолении его причин, зато звучит лозунг «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний,

всех верований и убеждений — соединяйтесь!» (Вселенское дело, 1914: VIII), перефразирующий знаменитый лозунг коммунистического манифеста. Но если классовый призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имплицитно предполагал соединение одних классов (трудящегося человечества) против других (трутней-капиталистов), то призыв авторов «Вселенского дела», вышедшего в 1914 г. незадолго до начала Первой мировой войны, был обращен абсолютно ко всем, ориентируя на преодоление разделений, на соединение в общем действии и общей задаче — «борьбы со смертью» и всеобщего воскрешения.

Впрочем, проблема голода и борьбы с ним путем регуляции все же прозвучала в сборнике — из уст самого Федорова. С разрешения учеников философа В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, во «Вселенском деле» было помещено предисловие Н. Ф. Федорова к изданию в газете «Дон» письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г., в котором писатель ставил ряд вопросов к федоровскому учению. Апеллируя к выражению Достоевского «долг воскресенья преждеживших предков», Федоров разворачивал проект регуляции смертоносных и голодоносных сил мира и, указывая на опыты вызывания искусственного дождя в Америке, призывал к переориентации военной отрасли на исследование метеорологического процесса, к «обращению орудий истребления в орудия спасения от голода и язвы» (Вселенское дело, 1914: 29). А в статье А. К. Горского «Тяга земная», посвященной истории идейно-творческих взаимоотношений В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова, приводилась обширная цитата из статьи Н. П. Петерсона, в которой речь шла об общении двух мыслителей осенью 1891 г., когда Федоров убеждал Соловьева в «необходимости сделать призыв <...> к делу спасения всех от голода» (Вселенское дело, 1914: 146). И все же даже по частоте упоминания слово «голод» оказывалось на страницах первого «Вселенского дела» на самых задворках.

Иначе было в 1920 году, когда А. К. Горский, с конца 1912 г. живший в Одессе, и философ, экономист, статистик, поэт Н. А. Сетницкий, познакомившийся с ним на заседании Литературно-артистического общества и ставший его другом и сподвижником в федоровских проектах, решили издать второй выпуск «Вселенского дела». Это издание было предпринято с целью осмысления исторических сдвигов и катаклизмов эпохи: Первой мировой войны, двух революций, Гражданской войны и сопровождавших ее разрухи, эпидемий и голода, начавшегося в ряде областей Советской России в 1920 г., а в 1921–1922 гг., после засухи и неурожая, охватившего все Поволжье и Южную Украину. Федоровский «вопрос о смерти и жизни» зазвучал для мыслителей-космистов предельно конкретно, без всякой теоретической отвлеченности, а призыв бороться со смертью, который они вновь обращали к современной эпохе, актуализировался ситуацией усиленной смертности, спровоцированной масштабным голодом.

В составленном А. К. Горским и Н. А. Сетницким новом проспекте издания именно тема борьбы с голодом, соединенная с темой всемирной войны и преодоления мировой катастрофы, стала центром воззвания, завершавшегося тем же призывом, который прозвучал в первом сборнике:

«Постигшее Россию голодное бедствие, в идейном отношении ликвидирующее все попытки отложить на будущее время, как на пути коллективизма, так и на пути индивидуализма, борьбу с бездушной и безумной стихией, ставит пред нами все ту же задачу, что и семь лет назад. Но мы думаем, что в этой задаче мы уже не столь одиноки. Пережитая седмица лет заставила миллионы людей, помимо своей воли втянутых в воронку смертоносного смерча, продумать все то, что думалось нами. Правильным будет сказать, что теперь мир — богатая взрытая почва для нового сева новых мыслей. <...>

Наша цель не закрывать глаза на непобежденную до сего дня слепую бессознательную природу — стихию, но и не откладывать борьбу с ней на годы, десятилетия и столетия.

Как семь лет назад, мы снова зовем всех, без различия пола, возраста, расы, класса, вероисповедания и мировоззрения, на борьбу с врагом извечным и сильным, но победимым и побеждаемым

Смертные всех стран, соединяйтесь!» (Pro et contra, 2008: 369).

В отличие от проспекта «Вселенского дела» 1914 года, хлестаковски поражавшего широтой захвата масштабных тем, из которых реально оказались разработаны в первом сборнике только немногие, проспект второго «Вселенского дела» был аскетичен и тематически заострен. Отталкиваясь от осмысления опыта Первой мировой войны, этой «вселенской провокации», направленной на срыв жизнеспособных усилий человечества как творческого авангарда природы, акцентируя идею перехода от войны с себе подобными к «борьбе со смертью» (в лексике эпохи этот сюжет был назван «боевой биологией»), авторы сборника переходили к осмыслению «теории относительности» и ее значения для построения «практики планетарно-космического действия». Далее должен был следовать материал, посвященный проблемам построения «нового общества», ставящего своей целью преодоление смерти, и два внутренне единых сюжета, связанных с темой перестройки экономической системы человечества в перспективе задач всеобщего дела («Экономика регуляции») и перехода от «эксплуатирующего» природопользования, усугубляющегося расстройством природных циклов, климатическими катастрофами, к разумно-творческому управлению атмосферическими процессами («Агония планеты и задача метеороургии») (Pro et contra, 2008: 368).

План издания не был осуществлен. Как свидетельствовал позднее Н. А. Сетницкий, добыть средства на издание сборника помешала «голодная катастрофа и инфляция» (Pro et contra, 2008: 368). Но темы, заявленные в проспекте, А. К. Горский и Н. А. Сетницкий сделали ведущими темами своей философской работы в 1920-е гг. А когда Сетницкий, с 1925 г. живший в Харбине, в конце десятилетия вернулся к замыслу «Вселенского дела» и в 1934 г. выпустил новую версию книги, призванную, как и первый сборник, «освещать основные вопросы современности с точки зрения их соответствия или несоответствия идеям “Общего Дела” и задаче преобразования мира и воскрешения мертвых» (Вселенское дело, 1934: IV), он представил тему голода и связанной с ним регуляции во фрагментах переписки Федорова с Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым и в публикации письма И. М. Ивакина Л. Н. Толстому о дождевании и книжном обмене, написанного в голодный 1891 год (Вселенское дело, 1934: 149–159).

С проспектом «Вселенского дела» 1920 г., так и оставшимся на бумаге, был тематически связан выпуск однодневной газеты «На помощь!», посвященный проблеме голода и перспективам борьбы с ней. В отличие от проекта сборника, застрявшего на этапе декларации намерений, газетный номер увидел свет. Его центральными материалами, выделявшими подготовленный космистами номер из череды подобных однодневных изданий, которые выпускались тогда в разных областях Советской России в пользу голодающих, были статья Н. А. Сетницкого «Учение о борьбе с голодом», вводившая в контекст современности идеи Н. Ф. Федорова о регуляции, и стихотворение А. К. Горского «Пустыня», представлявшее голодную катастрофу следствием трусости и пассивности человечества, не дерзнувшего взять на себя подвиг разумно-творческой регуляции мира: «Не вырос, не встал властелином стихии / Растерзанный разум земли» (Горский, 2018b: 195).

Указывая на то, что обрушившиеся на Россию недород и голод намного масштабнее даже страшного голода 1891–1892 гг., Н. А. Сетницкий призывал направить усилия не на «паллиативную борьбу с голодовками» (устранение следствий), а на исследование естественных причин неурожаев и планомерную работу по их устранению. Философ напоминал о статье В. С. Соловьева «Враг с Востока», в которой выдвигалась задача борьбы с пустыней путем культивации «степных и пустынных пространств», их «облесенья и обводнения», акцентировал проекты Федорова, связанные с «метеорологической регуляцией жизни нашей планеты», писал об идеях В. Н. Каразина и американских опытах искусственного вызывания дождя, демонстрируя, с одной стороны, неотложность постановки вопроса о регуляции, а с другой — практическую возможность начать ее осуществление уже сейчас (Сетницкий, 1921). Более того, говоря о «Философии общего дела», Сетницкий подчеркивал, что вопрос о голоде не был для Федорова «каким-то случай-

ным делом, результатом случайно возникших размышлений по поводу российского недорода и голодной катастрофы конца прошлого столетия»: «Планомерная борьба с голодом входит в систему учений Федорова в качестве органической части и связывается со всеми этими учениями тысячами нитей» (Сетницкий, 1921).

В газете «На помощь!» Горский и Сетницкий призывали не просто к хлебной и денежной поддержке голодающих, а к радикальному решению вопроса о голоде, требующему постановки целого спектра задач: организация экономики, культуры и научного знания, поиск новых форм «взаимоотношения города с деревней», новых форм развития социума (Сетницкий, 1921). Масштабность задания питалась источно религиозным характером проекта регуляции, который был внятн и Горскому, и Сетницкому, но обозначать который напрямую в печати по понятным причинам они не могли. Некоторые намеки были сделаны в стихотворении «Пустыня»: художественная форма давала возможности большей свободы. Голод в Поволжье Горский символически соотносил с голодом «сынов Израилевых» во время сорокалетнего странствования по пустыне, подчеркивая, что, в отличие от иудеев, которых Господь питал в ответ на их жалобы, посылая им манну небесную, людям современности, «отчаянно чаявшим хлеба», уже бессмысленно ждать манны, нужно действовать самим, превращая пустыню в сад и управляя атмосферическими процессами.

Тема регуляции тесно связывалась для Горского и Сетницкого с темой путей России, с перспективами пореволюционного строительства жизни. Еще в 1919 году в докладе «Крест над вьюгой» о поэме А. А. Блока «Двенадцать» Горский ставил вопрос о прочности революционного действия, коль скоро оно совершается в смертном, хаотическом мире, где на пустынных пространствах разгуливает ледяной ветер и пурга дни и ночи напролет пылит в глаза кучке революционных матросов, ищущих «незримого врага», беспорядочно палящих в темноту. Напоминая слова Блока из его статьи «Стихия и культура» (1909) о бессилии человечества «перед трусом, гладом и мятежом», он подчеркивал, что «новый мир» станет реальностью только тогда, когда будет воздвигнута «война со стихией, с природой — война до полной победы» (Горский, 2018а: 282). Эта схватка — не с себе подобными, а со слепой силой, сеющей смерть, религиозно оправданна, недаром впереди красноармейцев незримо идет Христос, обладающий подлинной властью над стихиями мира.

В 1920 г. Горский начинает работать над книгой «Воздушная власть. Задачи метеороургии и атмосферической музыки (К истории русской религиозной мысли)», планируя изложить в ней идею регуляции природы сквозь призму активно-христианских идей Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева, для которых человек должен соработать Творцу в созидании «нового неба и новой земли». Убеденный в том, что христианство ставит перед человеком предельные задания, верит в человека и утверждает полноту его ак-

тивности в мире, философ стремится преодолеть антирелигиозную риторику советской власти, но не лобовым столкновением, а подспудным влиянием. Переехав в 1920 г. в Воскресенск и став заведующим лекторским бюро местного Политпросвета, он готовит и читает курс лекций «Научно-трудовой фронт», посвященный теме строительства новых форм жизни, вводя в названия лекций говорящую христианскую символику, связанную с темой эсхатологического преображения: «Небо и Земля. Источники энергии (условия технического и производственного прогресса)»; «Рай на земле (успехи нового творческого земледелия)»; «Небо и Земля. Небесные силы и управление ими, атмосферическая и метеорическая регуляция»⁴ и т. д. Планирует мыслитель и выпуск тематических брошюр — «Библиотеку Научно-трудового фронта», которая должна была познакомить рабочих с тем, что позднее в одной из работ он назовет «Организацией мировоздействия» (Горский, 2018а: 711). Сохранившийся в архиве мыслителя план библиотеки касается теоретических и практических аспектов регуляции: «1) Человек и природа; 2) Союз труда и науки; 3) Облава на смерть; 4) Небесное Царство; 5) В поход за энергией (аргонавты); 6) Ниспровержение времени; 7) Солнечная руда; 8) Перестройка тела»⁵.

Ставя вопрос о «новом творческом земледелии», Горский рассматривает его не инструментально-прагматически, а целостно-религиозно, подчеркивая, что его смысл не в эффективном производстве продуктов питания, а в регуляции материи, управлении процессами жизни, преображении человеческого организма, пресуществлении праха в живые тела. Размышляя о том, как психологически преодолеть потребительское отношение к природе, присущее человеческому хозяйствованию, он предлагает отказаться от пресловутой формулы «природа-мать», от восприятия природы как матери, жертвенно отдающей своему дитяти последние силы, но восчувствовать природу как дочь, как «наше *создание*»⁶, требующее от нас жертвенности, любви и заботы.

В связи с темой жизнетворческого отношения к земле Горский активно развивал тему «атмосферической музыки». Еще в его статьях 1910-х гг. о творчестве А. Н. Скрябина и В. И. Ребикова звучала тема гармонизирующего и преображающего воздействия музыкальных волн на материю, в том числе о «влиянии музыки на тело» [Горский, 2018а: 219]. А в пореволюционные годы призыв Блока слушать музыку революции заострялся для мыслителя в собственный лозунг: творить музыку регуляции, звучащую на земных и небесных пространствах, музыку преображения, умиротворяющую атмосферические катаклизмы, управляющую атмосферой,

4. Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Папка «Научно-трудовой фронт».

5. Там же.

6. Там же.

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Все-ленское дело»

воздвигающую борьбу против «князя мира сего» (Ин. 12:31), «князя власти воздушной» (Еф. 2:2), «имущего державу смерти» (Евр. 2:14).

Библиография

- Акиньшин А. Н. (2022). Родственное окружение Н. Ф. Федорова // *Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н. Ф. Федорова*. М.: ОКЦ ЮЗАО. С. 8–29.
- Аксенов Г. П. (2014). Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив РАН.
- Араго Ф. (1859). Гром и молния. СПб.: Торг. дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о.
- Ахметова М. А. (2018). «Помощь людям может быть только живой...» (о деятельности Л. Н. Толстого в голодные годы) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. № 4(81). С. 86–90.
- Булгаков С. Н. (1993). Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда.
- Вселенское Дело (1914). Вып. 1. Одесса: Тип. Венске и Любек.
- Вселенское Дело (1934). Вып. 2. Рига [Харбин]: Orient.
- Горский А. К. (2018а). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН.
- Горский А. К. (2018б). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН.
- Докучаев В. В. (1892). Наши степи прежде и теперь. СПб.: Тип. Е. Евдокимова.
- Достоевский Ф. М. (1976). Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука.
- Достоевский Ф. М. (1976). Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука.
- Ермолов А. С. (1892). Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В. Киршбаума.
- Каразин В. Н. (1940). Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина. Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберг и сыновья.
- Кожевников В. А. (2004). Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль.
- Кондрашин В. В., Корнилов В. Е. (2021). История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // *Уральский исторический вестник*. № 1(70). С. 6–13.
- Ляцкий З. А. (1885). Новое объяснение грозы, всех трех родов молнии и огней св. Эльма. Поневеж: Тип. Н. Фейгензона.
- Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2 (2008). М.: РХГА.
- Петров С. Т. (2020). Частотный словарь языка Н. Ф. Федорова. URL: <http://enc-nffedorov.ru/w/images/7/72/Slovník-poln-a-z.pdf> (дата доступа: 04.08.2024).
- Пьянков С. А., Михалев Н. А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2015. № 1. С. 44–55.
- Рогожина А. С. (2021). Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX века // *Научный диалог*. № 4. С. 423–437.
- Русский космизм: Антология философской мысли (1993). М.: Педагогика-пресс.
- Семенова С. Г. (2019). Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академ. проект, Парадигма.
- Семенова С. Г. (2020). Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия.
- Сетницкий Н. А. (1921). Учение о борьбе с голодом // *На помощь!* [Однодневная газета]. Одесса. 15 августа.
- Соловьев В. С. (1989). Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда.
- Суворин Р. В. (2015). Эпидемические заболевания в тамбовской губернии в первой половине XIX в.: причины, проявления, меры по преодолению // *Вестник Тамбовского государственного университета*. Вып. 8(148). С. 151–156.
- Федоров Н. Ф. (1995а). Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1995б). Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1997). Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция.

- Федоров Н. Ф. (1999). Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция.
 Флоренский П. А. (1988). Автореферат // Вопросы философии. № 12. С. 108–119.
 Толстой Л. Н. (1953). Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 66. М.: ГИХЛ.
 Щепкин В. Н. (1886). Голода в России (Исторический очерк) // Исторический вестник. Т. XXIV. Июнь. С. 489–521.

А. Г. Гачева
 Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:
 Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

The fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism: N. F. Fedorov and Universal Cause collections

Anastasia G. Gacheva, DSc (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian and Researcher, N. F. Fedorov Library No. 180 in the South-West Administrative District of Moscow. 25A, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, 121069. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Abstract. The article is the first part of the study of the issues of hunger in the philosophy of Russian cosmism. Its representatives believed that we need to study natural processes and their management to solve the problem of hunger, emphasizing that regulation requires complete knowledge and universal solidarity. The article examines the ideas of N. F. Fedorov, who suggested to consider the issue of overcoming hunger in the Christian context, defining the regulation of nature as the fulfillment of the commandment to “possess land”. The author reconstructs the dynamics of the perception of the hunger problem in the first collection *Universal Cause* (1914) and in the draft of the second collection compiled by A. K. Gorsky and N. A. Setnitsky in 1920 during the devastation of the Civil War. The article also presents the results of the analysis of the one-day newspaper *To the Rescue!* published under the famine of 1921–1922.

Key words: philosophy of cosmism, problem of hunger, regulation of nature, legacy of N. F. Fedorov, A. K. Gorsky, N. A. Setnitsky, *Universal Cause*

References

- Akin'shin A. N. (2022) Rodstvennoe okruzhenie N. F. Fedorova [N. F. Fedorov's Related Environment]. *Filosof obshchego dela: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati N. F. Fedorova* [The Philosopher of Common Cause: Materials of International Scientific Conferences in Memory of N. F. Fedorov], Moscow: OKTs YuZAO, pp. 8–29.
- Aksenov G. P. (2014) *Tri biografii Vladimira Vernadskogo* [Three Biographies of Vladimir Vernadsky], Moscow: Arkhiv RAN.
- Arago F. (1859). Grom i molniya [*Thunder and Lightning*], Sankt-Petersburg.: Torg. dom S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K°.
- Akhmetova M. A. (2018) «Pomoshch' lyudyam mozhet byt' tol'ko zhivoy...» (o deyatelnosti L. N. Tolstogo v golodnye gody) [The Help to People can be Only Vital... (About the L. N. Tolstoy's Activity During Lean Years)]. *Scientific Notes of Orel State University*, vol. 4, no 81, pp. 86–90.
- Bulgakov S. N. (1993) *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 2], Moscow: Pravda.
- Dokuchaev V. V. (1892) *Nashi stepi prezhde i teper'* [Our Steppes Before and Now], Sankt-Petersburg: E. Evdokimov Publ.
- Dostoevskiy F. M. (1976) *Poln. sobr. soch.: v 30 t., t. 14* [Complete Works in 30 vol., vol. 14], Leningrad: Nauka Publ.
- Dostoevskiy F. M. (1976) *Poln. sobr. soch.: v 30 t., t. 15* [Complete Works in 30 vol., vol. 15], Leningrad: Nauka Publ.
- Ermolov A. S. (1892) *Neurozhay i narodnoe bedstvie* [Crop Failure and national disaster], Sankt-Petersburg.: Kirshbaum Publ.

- Fedorov N. F. (1995a) *Sobranie sochineniy, t. I* [Collected Works, vol. I], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1995b) *Sobranie sochineniy, t. II* [Collected Works, vol. II], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1997) *Sobranie sochineniy, t. III* [Collected Work, vol. III], Moscow: Traditsiya.
- Fedorov N. F. (1999) *Sobranie sochineniy, t. IV* [Collected Works, vol. IV], Moscow: Traditsiya.
- Florenskiy P. A. (1988). Avtoreferat [Abstrakt]. *Voprosy filosofii*, no 12, pp. 108–119.
- Gorskiy A. K. (2018a) *Sochineniya i pis'ma. Kn. 1.* [Essays and Letters. Book 1], Moscow: IM-LI RAN.
- Gorskiy A. K. (2018b) *Sochineniya i pis'ma: V 2 kn. Kn. 2.* [Essays and Letters. Book 2], Moscow: IMLI RAN.
- Karazin V. N. (1910) *Sochineniya, pis'ma i bumagi V. N. Karazina* [Writings, Letters and Papers by V. N. Karazin], Khar'kov: M. Zil'berberg i synov'ya Publ.
- Kozhevnikov V. A. (2004) *Opyt izlozheniya ucheniya N. F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedeniyam, perepiske i lichnym besedam* [Presentation of the Teachings of N. F. Fedorov on Published and Unpublished Works, Correspondence and Personal Conversations], Moscow: Mysl'.
- Kondrashin V. V., Kornilov V. E. (2021) *Istoriya goloda i epidemiy v Rossii: istoriograficheskaya situatsiya* [Russia's Famine and Epidemics History in Russia: Historiographical Situation]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no 1(70), pp. 6–13.
- Lyatskiy Z. A. (1885) *Novoe ob'yasnenie grozy, vsekh trekh rodov molnii i ogney sv. El'ma* [A New Explanation of the Thunderstorm, All Three Kinds of Lightning and St. Elmo's Lights], Ponevezh: N. Feygenzon Publ.
- N. F. Fedorov: *pro et contra*: V 2 kn. Kn. 2 (2008), Moscow: RKHG.
- Petrov S. T. (2020) *Chastotnyy slovar' yazyka N. F. Fedorova* [The Frequency Dictionary of the N. F. Fedorov Language]: <http://enc-nffedorov.ru/w/images/7/72/Slovník-poln-a-z.pdf> (accessed: 4 August 2024).
- P'yankov S. A., Mikhalev N. A. (2015) *Golod 1891–1892 gg. v Rossii v sovetskiy i sovremenny otechestvennoy istoriografii* [The Famine of 1891–1892 in Russia in Soviet and Modern Russian Historiography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no 1, pp. 44–55.
- Rogozhina A. S. (2021) *Golod i prodovol'stvennaya politika Rossiyskoy imperii v kontse XIX — nachale XX vekov* [Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries]. *Nauchnyy dialog*, no 4, pp. 423–437.
- Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* (Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought) (1993), Moscow, Pedagogika-press.
- Semenova S. G. (2019) *Filosof budushchego: Nikolay Fedorov (Philosopher of the Future Nikolay Fedorov)*, Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Paradigma Publ.
- Semenova S. G. (2020) *Sozidanie budushchego: filozofia russkogo kosmizma (Creating the Future: The Philosophy of Russian Cosmism)*, Moscow: Nookratia Publ.
- Setnitskiy N. A. (1921) *Uchenie o bor'be s golodom (The Doctrine of the Fight Against Hunger). Na pomoshch'!* [Odnodnevnyaya gazeta], Odessa. 15 avgusta.
- Shchepkin V. N. (1886) *Goloda v Rossii (Istoricheskiy ocherk)* [Famine in Russia: A Historical Sketch]. *Istoricheskiy vestnik*, vol. XXIV. Iyun', pp. 489–521.
- Solov'ev V. S. (1989) *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2], Moscow: Pravda.
- Suvorin R. V. (2015) *Epidemicheskie zabolevaniya v tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.: prichiny, proyavleniya, mery po preodoleniyu* [Epidemic Diseases in Tambov Province in the First Half of the XIX Century: Causes, Symptoms, Measures to Overcome]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 8(148), pp. 151–156.
- Tolstoy L. N. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy*: vol. 66. (Collected Works, vol. IV), Moscow: GIKhL.
- Vselenskoe Delo* (1914) Vyp. 1. [The Universal Cause. Issue 1], Odessa: Venske i Lyubek Publ.
- Vselenskoe Delo* (1934) Vyp. 2. [The Universal Cause. Issue 2], Riga [Kharbin]: Orient.